

DOI 10.15826/qr.2016.3.174

УДК 711.41(09)+711.58(09)+728.1(1–21)

**«СОЛНЦЕ, ВОЗДУХ И ДОМ ДЛЯ ВСЕХ»?
ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ МАССОВОГО ЖИЛИЩНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА И ЕГО СОВЕТСКИЕ ВАРИАЦИИ
В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК**

Евгения Конышева

Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия

**‘SUN, AIR, AND HOMES FOR ALL’? SOVIET VARIATIONS
ON EUROPEAN EXPERIENCES OF MASS HOUSING
CONSTRUCTION DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS***

Eugenia Konysheva

South Ural State University,
Chelyabinsk, Russia

The article is focused on a little-studied aspect of Soviet urban planning – the transformations of foreign experience in the sphere of housing construction during the early Five-Year Plans. The aim is to analyze what the content of such experience was and how it was transformed under the Soviet circumstances. First of all, the article considers the experience of the mass housing construction in Weimar Germany, which in the late 1920s – early 1930s was regarded as a benchmark for the Soviet practice. Attention is paid to the organization of the design and construction of mass housing, financial sources, the planning principles and their social, economic, hygienic and aesthetic grounds. The author examines ways of implementation of “healthy” mass housing, based on such components as light, air, sunshine, hygiene and greenery. In the second part of this article the attention is focused on the specifics of the order system,

* *Citation:* Konysheva, E. (2016). ‘Sun, Air, and Homes for All’? Soviet Variations on European Experiences of Mass Housing Construction during the First Five-Year Plans. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 34–54. DOI 10.15826/qr.2016.3.174.

Цитирование: Конышева Е. ‘Sun, Air, and Homes for All’? Soviet Variations on European Experiences of Mass Housing Construction during the First Five Year Plans // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. Р. 34–54. DOI 10.15826/qr.2016.3.174 / Конышева Е. «Солнце, воздух и дом для всех»? Европейский опыт массового жилищного строительства и его советские вариации в годы первых пятилеток // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 34–54. DOI 10.15826/qr.2016.3.174.

funding and organization of housing construction in the USSR during the period of industrialization. The attempt of introduction of the European experience is considered through the example of residential housing in “socialist cities” of Magnitogorsk, Novokuznetsk, and Orsk, which were designed by E. May, M. Stam, W. Schwagenscheidt, W. Hebebrandt and other foreign architects invited to the Soviet Union. The author identifies direct origins of certain design decisions in the previous practice of European architects and compares the design intent and the result. It is shown that under the circumstances of different housing policy and accentuation of collectivized housing, European architects sought to preserve the functionality of planning projects and sanitation/hygienic priorities, as well as tried to apply methodology of flexible design – taking into account the perspective transformation of dwellings. Through the prism of the activity of foreign architects in the USSR the author compares Soviet and European concepts of mass housing. Primarily, it is noted that the Soviet practice of mass housing design was subdued to “coefficient of efficiency”, which dominated over concepts of functionality and comfort, demonstrating the pivotal difference in the understanding of mass economic housing in the USSR and Weimar Germany.

Keywords: mass house construction; Socialist Cities; early Five-Year Plans; European architects in the USSR; Weimar Germany.

Статья посвящена малоизученному аспекту советского градостроительства – трансформации зарубежного опыта жилищного строительства в годы первых пятилеток. Рассмотрен опыт массового жилищного строительства в Веймарской Германии, который в конце 1920-х – начале 1930-х гг. расценивался как ориентир для советской действительности. Внимание уделено организации проектирования и строительства массового жилья, финансовым источникам, принципам планировки и их социальным, экономическим, гигиеническим и эстетическим основаниям. Рассмотрены пути реализации идеи массового жилища, основанной на таких составляющих, как свет, воздух, солнце, гигиена и зелень. Приведена на основе документальных материалов специфика системы заказа, финансирования и организации жилищного строительства в СССР периода индустриализации. Попытка внедрения европейского опыта проанализирована на примере жилой застройки «социалистических городов» Магнитогорска, Новокузнецка и Орска, проектировщиками которых являлись приглашенные в Советский Союз иностранные архитекторы Э. Май, М. Стам, В. Швагеншайдт, В. Хебебрандт и др. Выделены истоки тех или иных проектных решений в предшествующей практике европейских архитекторов, сопоставлены проектные замыслы и результаты. Показано стремление европейских архитекторов в условиях иной жилищной политики и при задаче создания коммунального жилья сохранить в проектах функциональность планировки и санитарно-гигиенические приоритеты, а также применить методику гибкого проектирования с учетом перспективной трансформации жилища. Проведено сравнение

советской и европейской концепции массового жилья, отмечена определяющая роль в советской практике проектирования «коэффициента экономичности», который доминировал над понятиями функциональности и комфорта, демонстрируя кардинальную разницу в понимании массового экономичного жилья в СССР и в Веймарской Германии.

Ключевые слова: массовое жилищное строительство; первые пятилетки; соцгорода; европейские архитекторы в СССР; Веймарская Германия.

В начале 1930-х гг. в СССР прибыли тысячи западных специалистов, среди которых были и европейские градостроители и архитекторы. Их опыт был востребован в сфере городского планирования и жилищного строительства, где внутренние возможности явно не соответствовали гигантским масштабам задач форсированной индустриализации. Однако внедрение западного опыта и результаты участия иностранных специалистов в проектировании и застройке советских городов уже с 1932 г. начали оцениваться в негативном ключе, и эта оценка приобрела классовый характер сопоставления капиталистического и социалистического строительства. Обвинения в том, что западные градостроители проектировали в СССР «город однообразно-монотонный, казарменный, подобный по внешнему виду поселкам, которые создает буржуазия зарубежных стран для рабочих» [Гречуха, с. 34], и механически переносили в советские условия «характерные особенности рабочего жилища капиталистических стран» [Казаринова, Павличенков, с. 151], закрепились в советском архитектуроведении с середины 1930-х гг. и господствовали на протяжении всего советского периода.

Конечно, европейские архитекторы обращались к своему предшествующему опыту. Однако за идеологической риторикой оказались скрыты два важнейших аспекта: что представлял собой этот опыт и какие трансформации он претерпел в советских условиях. Рассмотрение этих двух аспектов ставится задачей данной публикации.

Примеры фрагментов городской среды, реализованных в 1930-е гг. по проектам европейских архитекторов, единичны – это жилые кварталы в Магнитогорске, Новокузнецке и Орске, и именно они дают возможность исследования трансформации европейского опыта в советской практике жилищного строительства. Эти объекты проектировали архитекторы «бригады Эрнста Мая» М. Стам (Магнитогорск, Орск), В. Швагеншайдт (Магнитогорск, Новокузнецк), Ф. Форбат (Магнитогорск), Х. Шмидт (Орск), В. Хебебрандт (Магнитогорск), М. Шютте-Лихотски (Магнитогорск, Новокузнецк) и др. Большинство членов этой интернациональной бригады были объединены общим проектным прошлым – реализацией программы «Новый Франкфурт» под руководством Э. Мая (1925–1930). В работе над жилой застройкой кварталов в Орске и Магнитогорске также принимали участие немецкие архитекторы (Х. Абрахам) или архитекторы, связанные с германским «Баухаузом» (Т. Вайнер, К. Пюшель,

Й. Нигеман). Эти факты позволяют ограничиться в данной статье обращением к опыту Веймарской Германии, учитывая факт ее лидирующего положения в европейском массовом жилищном строительстве в «золотые двадцатые годы» (1924–1929) и приоритетный интерес советской стороны именно к ее опыту во второй половине 1920-х гг.

Решение проблемы доступного жилья в Веймарской Республике

С началом индустриальной эпохи и быстрых урбанизационных процессов проблема жилья для рабочих и в целом массового доступного жилища стала чрезвычайно насущной для всех европейских стран. На первом этапе, в середине – второй половине XIX в., доминировало «патерналистское» жилищное строительство отдельных продвинутых предпринимателей, представленное рабочими поселками при фабриках, например, германские «рабочие колонии» сталелитейных фабрик Круппа вблизи Эссена (Вестэнд (Westend), Кроненберг (Kronenberg), Альтенхоф (Altenhof) и др.) и Гминдесдорф (Gmindersdorf) Луиса Гминдера. Подобное строительство базировалось еще на патриархальной традиции заботы хозяина о своих работниках и сочетало в себе экономические и социальные аспекты [Krämer, S. 9]. На рубеже XIX–XX вв. организация массового жилищного строительства перешла в руки акционерных жилищно-строительных товариществ, опиравшихся на частный капитал, ипотечные банковские кредиты и государственные субсидии¹. Строились как отдельные поселки в традициях поселений-садов (берлинский *Freie Scholle*), так и жилые комплексы внутри городской застройки (жилые комплексы в Берлине для *Berliner Spar- und Bauverein GmbH* архитектора А. Месселя), включая и строительство при промышленных предприятиях (*Siemens* и др.). Однако в условиях массовой миграции в города, характерной для индустриальной эпохи, это не было решением проблемы, и жилищный вопрос не терял своей остроты.

Государственное вмешательство в решение жилищной проблемы в Германии (как и в Европе вообще) резко усилилось после окончания Первой мировой войны, когда жилищный кризис достиг апогея: так, в Германии дефицит жилья колебался в 1918–1935 гг. в пределах 700 тыс. – 1,5 млн квартир [Schulz, 1993, S. 12]. В Веймарской Республике программа жилищного строительства стала важнейшей составляющей социальных программ, и в статью 155 федеральной конституции 1919 г. был включен пункт о намерении государства решить жилищную проблему: «Распределение земли и пользование ею находятся под наблюдением государства, которое предупреждает злоупотребления и стремится каждому немцу обеспечить здоровое жилище, а всем гер-

¹ В Германии, например, в 1912 г. в 1 173 обществах состояло 225 672 члена.

манским семьям, в особенности многодетным, обеспечить домашний очаг и кров для работы, соответствующие их потребностям».

Реальные подвижки в жилищном строительстве стали возможными лишь с 1924 г., с концом гиперинфляции, началом экономического подъема и наступлением «золотых двадцатых». Ввиду малых финансовых возможностей имперской казны, обремененной репарациями и восстановлением экономики, были найдены пути внебюджетного финансирования. Основой финансирования жилищного строительства в Германии стал «подомовой налог» (*Hauszinssteuer*, 1924–1932), поступления от которого формировали государственный фонд для жилищных ссуд (*Hauszinssteuerhypothek*), выдававшихся на 50 лет под 3 % годовых. Эти ссуды («вторая ипотека») выдавались исключительно общественным организациям и только для строительства доступного жилья на периферии городов, где муниципальные власти выделяли участки под застройку на льготных условиях. Эта ипотека покрывала около 50 % всей стоимости строительства, и число новых жилищ, возведенных с ее помощью, в 1924–1930 гг. составляло в разных германских землях от 75 до 90 % [Mengin, p. 69]. Остальные затраты покрывались через ипотечные банки за счет так называемой «первой ипотеки» под 8–9 % годовых (примерно 40 % стоимости строительства) и собственного капитала инвестора или застройщика (10 %). Кроме того, отдельные германские земли могли получить еще и имперскую ссуду под «первую ипотеку» для строительства квартир для госслужащих, и сами госслужащие могли обратиться за ссудой для погашения ипотечного кредита. В результате численность новостроек возросла со 106 502 в 1924 г. до 205 793 в 1926 г. и 317 682 в 1929 г., и Германия значительно опередила по темпам жилищного строительства другие европейские страны [Бунин, Саваренская].

Основными застройщиками в крупных городах выступали многочисленные акционерные некоммерческие жилищно-строительные товарищества, на долю которых после 1924 г. приходилось около половины всех выстроенных жилищ [Schulz, 1997, S. 53]². Организаторами процесса были муниципалитеты, разными путями активно влиявшие на политику жилищно-строительных кооперативов. Муниципалитеты, во-первых, аккумулировали городские земли: в Германии в 1927–1928 гг. удельный вес принадлежавших им земель (не считая улиц) составлял во Фрейбурге 61,6 %, в Росток 75,6 %, в Кобленце 52 %, во Франкфурте-на-Майне 39,6 % и в Лейпциге 34,9 % [Бунин, Саваренская]. Во-вторых, они становились крупными акционерами коопера-

² Например, одним из крупнейших застройщиков было берлинское «Акционерное некоммерческое общество жилищ, сбережений и строительства» (*GEHAG GmbH*), выстроившее такие поселки как Хуфайзен, Целлендорф, «Хижина дяди Тома», Карл Легини др. В Мюнхене в 1918 г. было создано *Gemeinnützige Baugesellschaft*, инициированное крупными предприятиями, и результатом его деятельности стал поселок «Альте Хайде». Во Франкфурте-на-Майне реализаторами крупномасштабной жилищной программы выступали несколько сообществ – *Aktien Gesellschaft für kleinen Wohnungen*, *GartenstadtAG*, *Nassauische Heimstätte* и др., чьими силами в 1925–1930 гг. была выстроена основная часть поселков «Нового Франкфурта».

тивных жилищно-строительных товариществ³. В-третьих, муниципалитеты учреждали должности городских советников по строительству с соответствующими масштабными руководящими полномочиями по руководству городской застройкой. Так, в подчинении Э. Мая, руководившего градостроительным планированием во Франкфурте-на-Майне в 1925–1930 гг., находились отделы городского и регионального планирования, жилищного планирования и строительства, землеотвода, зеленых насаждений, капитального строительства, типизации жилищного строительства, стройнадзор; под его началом работали сотни сотрудников [Ernst May und das Neue Frankfurt 1925–1930, S. 12]. Политическая воля бургомистров приводила на посты руководителей городского строительства такие харизматичные фигуры, определившие новые пути городского планирования, как Э. Май во Франкфурте-на-Майне, М. Вагнер в Берлине, Б. Таут в Магдебурге, Ф. Шумахер в Гамбурге и Кёльне. Кроме того, муниципалитеты выдвигали условия для льготного выделения участков для застройщиков, и касались они не только экономической целесообразности, но прежде всего санитарно-гигиенических норм жилья. В итоге вышеназванных мероприятий во Франкфурте-на-Майне, например, с 1925 по 1933 г. около 90 % нового жилья было выстроено именно в рамках городской строительной программы [Schulz, 1997, S. 158].

Санитарно-гигиенические нормативы стали ключевыми для улучшения массового жилища и кардинальным образом отличали его от перенаселенных многоэтажных домов-казарм для рабочих рубежа XIX–XX вв. с площадью застройки участка до 85–90 %. При этом английская традиция рабочих поселков XIX в., а затем и концепция города и поселка-сада Э. Говарда и Р. Энвина с индивидуальной застройкой в 1920-е гг. из экономических соображений уступали место многоквартирному жилью. С 1926 г. стала очевидной тенденция к переходу от одно- и двухквартирных жилищ к строительству многоквартирных блокированных или секционных домов, а также к приоритету небольших 2—4-комнатных квартир⁴. Но возврат к домам-казармам был уже невозможен. Главным принципом стало «здоровое» жилище, включавшее пять основных составляющих: «свет, воздух, солнце, гигиену и зелень» [Abt, Ruhe, S. 136]. Определялась максимально допустимая интенсивность застройки, впервые зафиксированная в берлинском строительном регулятиве 1925 г. Нормировались абсолютная высота и этажность зданий, а также допустимая площадь и глубина застройки кварталов. Этот берлинский «коэффициент использования участка»

³ Так, в 1922 г. по инициативе бургомистра Л. Ландманна муниципалитет Франкфурта-на-Майне выкупил 90 % акций *Aktien Gesellschaft für kleinen Wohnungen*, и наблюдательный совет общества состоял в большинстве своем из членов магистрата и городского совета [Abt, Ruhe, S. 125].

⁴ В 1926 г., в сравнении с 1924 г., в городах с населением свыше 100 тыс. чел. прирост 5–8-квартирных домов составил 96 %, 9–12-квартирных – 71 %, более 12 квартир – 82 %. В то же время в большой минус ушло как строительство однокомнатных квартир, так и жилищ в 9–10 и более комнат (минус 40–96 %). Доля 2–4-комнатных квартир составляла 71 % нового строительства [Чернеховский, с. 147–150].

вошел затем и в строительное законодательство других европейских городов [Бунин, Саваренская]. Дискуссии о принципах застройки кварталов привели к признанию приоритета свободной застройки – строчной (которая доминировала в практике строительства конца 1920-х гг.) или точечной (башенной), обеспечивавших максимальный доступ воздуха и света в жилище, свободное пространство вокруг домов и возможность применения типизации и индустриального домостроения. Внешнее однообразие перекрывалось прежде всего экономической выгодой и гигиеническими достоинствами и, кроме того, компенсировалось за счет комбинации типов домов, сопоставления масштабов, многообразных приемов озеленения. Застройка предполагала обязательную категорию пространственности, ощущение и переживание открытого, пронизанного воздухом и светом озелененного пространства. Непреложными элементами являлись и колористическое решение, вариации решений входных групп, приемов остекления, балконов и лоджий. Подобные примеры – например, поселки во Франкфурте (Вестхаузен, Хеллерхоф), Берлине («Карл Легин», Сименсштадт, Хазельзхорст), Карлсруэ (Даммершток) и других городах – служили предметом широкого международного интереса.

Тема массового доступного жилища стала ключевой в функционалистском градостроении и архитектуре 1920-х гг. Крупномасштабные выставки, на которых демонстрировался новый подход к планировке, организовывались практически ежегодно и под характерными названиями: *Die Wohnung* («Жилище», 1927, Штутгарт), *Klein Heim oder kein Heim* («Малое жилище или никакого жилища», 1928, Берлин), *Die Wohnung für das Existenzminimum* («Минимальное жилище», 1929, Франкфурт-на-Майне), *Die wachsende Wohnung* («Растущее жилище», 1929, Кёльн), *Die Wohnung unserer Zeit* («Жилище нашего времени», 1931, Берлин), *Sonne, Luft und Haus für alle!* («Солнце, воздух и дом для всех!», 1932, Берлин) и др. Этой же проблеме посвящались и международные конкурсы, например, *Wohnung für das Existenzminimum* («Минимальное жилище», 1930), *Das wachsende Haus* («Растущий дом», 1931) и др. Несомненно, теория и практика массового жилищного строительства демонстрировали интерпретацию идей фордизма и тейлоризма, которые получили широкое распространение в Германии в эпоху Веймарской Республики [Mythos USA]. В этой парадигме жилище понималось как массовый экономичный продукт, соответственно, при его создании применялись типизированная застройка, стандартизация и типизация жилых секций, нормирование строительных деталей, индустриальные технологии домостроения. Жилище создавало новую «технология жизни», основанную на функциональном детерминизме в тейлористском духе – на функциональных взаимосвязях планировочных фрагментов, на точном расчете временных затрат на перемещения, виды домашних работ и отдыха и т. п.

Особое социальное значение получило строительство так называемого «минимального жилища» – индивидуальной малометраж-

ной квартиры. Именно оно стало темой второго конгресса CIAM во Франкфурте-на-Майне в 1929 г. Место его проведения было выбрано не случайно – программа «Новый Франкфурт» под руководством Э. Мая демонстрировала феноменальные успехи жилищного строительства и в практическом воплощении «минимального жилья». Были разработаны «франкфуртские типы» квартир, где жилая площадь начиналась в однокомнатной квартире от 22,5 м², в двухкомнатной – от 31 м², в трехкомнатной – от 41 м² (при жилищной норме 9 м² на человека) [Frankfurter Typengrundrisse].

«Минимальное жилище» стимулировало поиски оптимальной планировки квартиры. Все секции предполагали квартиры со сквозным проветриванием и освещением. Семейная квартира при минимальной площади предполагала наличие не менее трех комнат с обязательными раздельными спальнями для родителей и детей и категорическим отказом от использования общей комнаты в качестве спальни. Планировка определялась двумя факторами: функциональными взаимосвязями групп помещений (в частности, кухня соединялась с общей комнатой, чтобы расстояние от места приготовления пищи до обеденного стола было минимальным) и пространственной ориентацией помещений (спальни – на восток, общая комната и вспомогательные помещения – на запад). Все квартиры обладали благоустройством – центральным отоплением, отдельными кухнями со встроенным оборудованием («франкфуртские кухни» М. Шютте-Лихотски), обязательно световыми санузлами (как правило, совмещенными) с полноценными или сидячими ваннами или душами, кладовыми, встроенной и трансформирующейся мебелью. Способом расширения жизненного пространства стало широкое применение террас на кровле и индивидуальных садилов.

Подводя некоторые итоги, следует отметить моменты, предопределившие кардинальную разницу в облике рабочих поселков второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. в Европе и в СССР. Заказчиками массового доступного жилища через систему ипотечного кредитования и членство в жилищно-строительных товариществах являлись непосредственные его потребители, и на их среднестатистические потребности ориентировались проектировщики и застройщики (гарантом интересов потребителей выступала муниципальная власть). Потребности эти опирались на традиционные «буржуазные» представления о жилье как исключительно семейном очаге. Трансформация касалась лишь экономически целесообразного перехода от индивидуального дома к многоквартирному жилищу, а общественная составляющая ограничивалась лишь обслуживанием семьи как основной единицы общества (например, организацией централизованного отопления и водоснабжения, коллективных прачечных, устройства площадок для игр и спорта, детских учреждений). При планировании экономичного массового жилья приоритетными были понятия функциональности, гигиены и комфорта, независимо от его размеров и стоимости.

Минимизация стоимости массового жилища производилась не за счет жертвования вышеназванными приоритетами, а за счет снижения проектных и строительных издержек. Непременной была и эстетическая составляющая в модернистском ее понимании геометризации форм и активном использовании плоскостей цвета.

Трансформация европейского опыта в застройке «социалистических городов» (Магнитогорск, Орск, Новокузнецк)

Европейский опыт (прежде всего опыт Веймарской Германии) чрезвычайно привлекал советскую сторону в 1920-е гг., о чем свидетельствуют многочисленные публикации в профессиональной прессе [Коньшева]. Интересовала типология массовой жилой застройки, стандартизация планировочных и конструктивных решений и типизация жилой ячейки. В изданных монографиях и периодической печати рассматривались планировка квартир и функции отдельных помещений, существующие нормативы и их обоснование, примеры рациональных планировок, оборудование кухонь и санузлов. Под влиянием западного опыта «минимального жилища» проектировались некоторые типовые ячейки (Моссовета, Центросоюза и других) – двухквартирные секции с жилой площадью однокомнатной квартиры от 16 м², двухкомнатной от 23 м², трехкомнатной от 46 м² ⁵. Пристальное внимание уделялось организации процесса проектирования и строительства, анализировалась финансовая сторона, рассматривались государственные жилищные программы, коммунальная политика и законодательная база. Можно предположить, что эти стороны рассматривались в профессиональном сообществе как возможные для внедрения в советской практике жилищного строительства.

Однако не случайно публикации на эти темы приходятся на 1926–1927 гг. (за редким исключением) и затем исчезают. В нэповском СССР середины – второй половины 1920-х гг. государственная администрация, казалось бы, проявляла озабоченность в вопросе жилищного строительства, выпуская одно постановление за другим ⁶. В 1929 г. республиканским Наркомздравом совместно со Стройкомом

⁵ Проекты с подробными расчетами были опубликованы в альбоме «Проекты рабочих жилищ», изданном Цekomбанком в 1929 г. Среди авторов проектных и текстовых материалов указаны, например, Г. Вольфензон, Л. Серк, Н. Марковников, О. Вутке – основные информаторы о западном опыте в советской проектной среде [Проекты рабочих жилищ].

⁶ Постановление СНК РСФСР от 15.11.1927 «О мерах по жилищному хозяйству в городских поселениях», постановление ЦИК и СНК СССР от 04.01.1928 «О жилищной политике», постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31.12.1928 «О политике и практике рабочего жилищного строительства в городах и рабочих поселениях», постановление СНК РСФСР от 06.06.1928 «О мероприятиях по улучшению санитарного состояния рабочего жилищного строительства и благоустройства в рабочих поселках», положение ЦИК и СНК СССР 30.01.1929 «О мерах содействия строительству рабочих жилищ» и др.

Экономического совещания (ЭКОСО) при Совете народных комиссаров РСФСР были утверждены и «Санитарные правила по постройке жилых зданий» с нормой жилплощади 9 м² и объемом 25 м³ на человека и соответствующим планированием и заселением квартиры с высотой не менее 2,6 м, с обязательным прямым освещением и сквозным проветриванием каждого жилого помещения, с нормой застройки участка не выше 30 % его площади [Сысин]. На первый взгляд, существовала и многоплановая система финансирования и организации жилищного строительства. Застройщиками выступали как муниципальная власть в лице исполкомов, жилищно-строительные кооперативные товарищества, законодательная база для существования которых была зафиксирована в Постановлении ЦИК и СНК СССР от 19 августа 1924 г. «О жилищной кооперации», так и индивидуальные лица «из числа рабочих и служащих». Жилищное строительство субсидировалось из госбюджета и собственных доходов местной и республиканской власти, кредитовалось за счет основных капиталов коммунальных банков, прежде всего Цескомбанка⁷.

Однако реальность практического жилищного строительства демонстрировала иную картину. Существовал еще один крупнейший игрок – государственная промышленность, и его наличие меняло всю картину в сравнении с Европой (где компании также инициировали строительство рабочих поселений, но технология процесса была организована все по той же схеме – через акционерные товарищества). Статистика финансовых вложений в новое жилищное строительство в РСФСР в конце 1920-х гг. демонстрирует следующую характерную картину: удельный вес средств жилищкооперации и исполкомов падает с 28 и 35 % в 1926–1927 гг. до 17,5 и 22,6 % в 1929–1930 гг. соответственно; доля же союзной, республиканской, местной промышленности и транспорта возрастает в сумме с 37 % в 1926–1927 до 47 % в 1929–1930 гг., причем доля союзной промышленности показывает двукратный рост – с 17 до 34 %⁸.

Переломными оказываются 1928–1929-е гг. – начало форсированной индустриализации в СССР. С этого времени именно промышленные предприятия выступают доминирующими застройщиками новых «социалистических городов» – исключительно промышленно-селитебных комплексов. Именно от лица предприятий объяв-

⁷ Цескомбанк – Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства, финансировал в порядке безвозвратных вложений и долгосрочных ссуд все жилищное, коммунальное и культурное строительство в СССР, а также комплексное строительство новых городов и поселков. Подробнее о жилищной политике см.: [Меерович, 2008].

⁸ Расчеты автора на основе: [Брагин, с. 362]. В дальнейшем эта тенденция только укреплялась. Так, в финансировании жилищного строительства в СССР в 1932 г. только доля НКТП (не считая других промышленных наркоматов) составляла 55 %, и в 1933 г. планировалось ее увеличение до 58 %, в свою очередь, доля исполкомов составляла 10 % с уменьшением до 7,5 %, кооперации – 5 % [ГАРФ. Ф. 4544. Л. 54]. Среди жилья, введенного в эксплуатацию в СССР в 1935 г., доля промышленности составляла 53 %, ЖСК – 10,5 %, исполкомов – 6 % [Жилищное строительство в 1935 г., с. 1–2].

ляются крупномасштабные конкурсы на проекты промышленных соцгородов, составляются программы на проектирование как города, так и жилищ, заводы организуют проектирование и застройку через собственные стройуправления (Магнитострой, Кузнецкстрой, Локомотивстрой, Автострой и др.). Отдав жилстроительство в промышленно-селитебных комплексах на откуп промышленным предприятиям, государство фактически делегировало им свои социальные обязательства, и в комплексе с выдавливанием из сферы жилищного строительства частной, общественной и муниципальной инициативы это предопределило советскую специфику жилья «соцгородов» эпохи первых пятилеток. В условиях мобилизационной экономики и государственная администрация, и предприятия были озабочены не качеством градостроительного планирования и комфортом жилища, а минимизацией средств, расходуемых на социальные аспекты, и концентрацией ресурсов на индустриальном направлении. Так был задан приоритет «временного» строительства и соответствующая типология застройки [Меерович, 2010], когда лишь островками возвышались капитальные кварталы, в том числе являвшие «кривое зеркало» западного опыта (в Магнитогорске, Новокузнецке и Орске).

Руководящим документом для первых же проектов архитекторов группы Э. Мая для Магнитогорска и городов Кузбасса стала «Программа для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Кузнецка и Магнитогорска» (1930), отражавшая характерную классификацию застройки для «социалистических городов» [ГАРФ. Ф. А-314. Л. 112–121]. Она ориентировала на три типа зданий: общежития для расселения одиноких (12 %), дома-коммуны (13 %), индивидуальные квартиры в многоквартирных домах (75 %). Соответственно, в первых проектных разработках группы Э. Мая для Магнитогорска и Новокузнецка (зима-весна 1931 г.) в структуру соцгорода были заложены типы домов-коммун (КО-А и КО-Б, 12,5 %), общежитий (КОЛ-3, 12,5 %), домов для индивидуального семейного расселения (ИН-В, 75 %) [Там же. Л. 20–21].

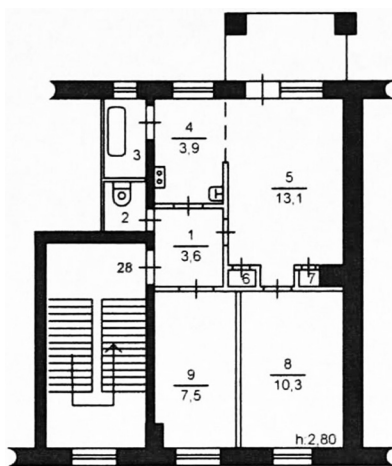
В проектах архитекторов группы Э. Мая в сравнении с европейской практикой меняется типология жилья, но неизменными остаются принципы функциональной организации планировки, санитарно-гигиенических приоритетов и пусть и минимального, но комфорта. Подобный подход получил отражение в решении квартир для индивидуально-семейного расселения ИН-В в Магнитогорске⁹ и Новокузнецке¹⁰ (рис. 1). Это пятисекционные кирпичные трехэтажные жилые дома с 30 небольшими трехкомнатными квартирами (45 м²). Планировочное решение двухквартирных секций обеспечивало сквозное проветривание и инсоляцию каждой

⁹ Ул. Маяковского, д. 30–38.

¹⁰ Ул. Хитарова, д. 18–34, 38–56; пр. Энтузиастов, д. 23–39, 45–53, 57–65; пр. Металлургов, д. 33, 35.

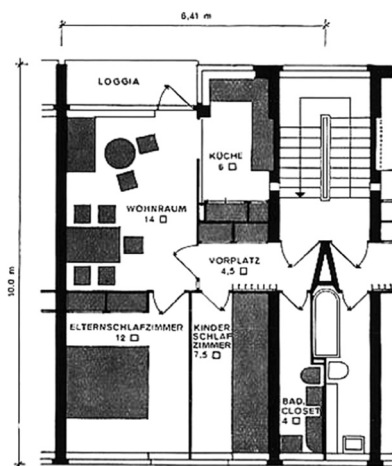
квартиры. Планировка секции ИН-В явно восходит к «франкфуртским типам» для многоквартирных домов: каждая квартира имела комнату-столовую с примыкавшей к ней небольшой кухней и две спальни. Планировка секции представляла вариацию распространенной во «франкфуртских типах» 2,5-комнатной квартиры, где половинную долю давала имеющая небольшую площадь (7–8 м²) детская спальня. Подобный тип квартиры был использован М. Стамом для жилых домов поселка Хеллерхоф во Франкфурте, и сходство жилых секций дает возможность обоснованно предполагать участие М. Стама в разработке секции типа ИН-В [Pistorius, с. 258]. Примечательными являются принципы организации санузла, который проектируется исключительно с первым светом (при раздельном санузле и размещении ванны и туалета по одной оси допускается второй свет в туалете). Соответственно, в планировке двухквартирной секции санузлы продольно стыкуются и размещаются на одной оси с лестничной клеткой, обращаясь окнами на запад. На запад обращены также окна кухни и комнаты-столовой, в то время как окна спален смотрят на восток (рис. 2). Это имело, кроме санитарно-гигиенического, и еще одно основание – окна комнаты «дневного пребывания» в этом случае всегда оказывались напротив окон спален, корректируя недостаток строчной застройки, где возможно «переглядывание из окон в окна» [Мостаков, с. 28–29].

Показательно сравнение «европейского» типа планировки с типом Госпроекта, реализованным и в Магнитогорске¹¹, и в Новокузнецке¹².

1. Типовая квартира ИН-В (1931, бригада Э. Мая)

1. A typical IN-B flat (1931, E. May's brigade)

2. М. Стам. 2,5-комнатная квартира (48 м²). Хеллерхоф, Франкфурт-на-Майне

2. M. Stam. A flat of 2,5 rooms (48 m²) Hellerhof, Frankfurt-am-Main

¹¹ Ул. Пионерская, д. 21–31, 22–32.

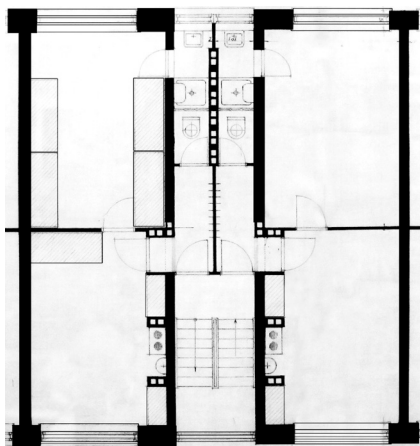
¹² Пр. Энтузиастов, д. 3–7, 13–19.

Это четырехэтажные секционные 32-квартирные кирпичные дома, чья планировка состояла из двух типов двухквартирных секций – рядовой с трехкомнатными квартирами и торцевой с трех- и пятикомнатными квартирами. Большая площадь квартир и планировочное решение – группировка комнат вокруг прихожей и отдельный (при этом «темный») санузел – давали возможность коммунального покомнатного заселения. Характерно, что при соблюдении меридиональной постановки зданий в основу ориентировки секций здесь положен ориентир лестничных клеток в сторону широких озелененных дворов (то есть лицевые фасады двух соседних домов обращены друг к другу, образуя парную группу), а не соларный ориентир вспомогательных и жилых помещений.

Это сравнение двух типов жилых домов позволяет констатировать, что внешняя схожесть строчной расстановки и аскетичного облика скрывает принципиальную разницу в основополагающих принципах планировки жилого дома и, как результат, в качестве жилья. Маленькая площадь квартир в первом случае была рассчитана именно на семейное расселение и, кроме того, компенсировалась санитарно-гигиеническими преимуществами (сквозным проветриванием и освещением квартиры, продуманным ориентиром жилых и вспомогательных пространств по степени и времени освещенности, «светлым» санузлом). Во втором случае большая площадь квартир и их планировочное решение (с изолированными комнатами с отдельными входами из прихожей) давала возможность коммунального расселения, что перечеркивало преимущества большой площади и исключало сквозное проветривание и освещение «закрытого» жилого помещения каждой отдельной семьи; кроме

того, здесь уже не играли роли ни соларный ориентир при размещении жилых и вспомогательных помещений, ни естественное освещение санузла.

Основную часть жилых домов в застройке первого квартала Магнитогорска представляют специфичные трехэтажные секционные дома типа ИНКО-А («индивидуально-коллективные») как переходное жилище от индивидуального к коллективному бытию (рис. 3)¹³. Планировка этих секций явно не имела своего прототипа в Германии – из них были исключены кухни с расчетом на квартальное обобщественное обслуживание. По этому

3. Тип ИНКО-А: проектный вариант.
1931. Бригада Э. Мая

3. INKO-A type: project variation.
1931. E. May's brigade

¹³ Проект архитектора В. Хебебрандта [May, S. 128].

типу были выстроены жилые дома по ул. Чайковского, д. 33–45, 47 (снесен), 49 (под снос), 51, 53, 55 и 57 (последние два снесены, построены новые дома). В компактных секциях по обе стороны лестничной клетки и светового санузла располагаются четыре жилые комнаты (по 18 м²) – максимально экономно для коммунального заселения¹⁴.

Дома этого типа заслуживают особого внимания, демонстрируя методику гибкого проектирования с учетом перспективной трансформации жилых ячеек. Этот прием был опробован в конце 1920-х гг. во Франкфурте в планировке «минимальных» квартир. Секция ИНКО изначально могла трансформироваться в двухквартирную секцию с квартирами в две комнаты (спальня и общая комната с кухонной нишей) и (путем продольного разделения спальни перегородкой) в квартиру для семьи с детьми [May, S. 127]. При будущем улучшении жилищных условий можно было использовать всю секцию как квартиру с кухней для одной семьи либо как двухквартирную секцию – с одной комнатой и кухней в квартире¹⁵.

Была предусмотрена трансформация и иного плана – к полноценному дому-коммуне, и именно она считалась приоритетной. Но наивные представления западных архитекторов о том, что их главная задача – проектировать жилище «для новой жизни», быстро разбились о советскую реальность. Э. Май, оглядываясь назад в декабре 1933 г., говорил:

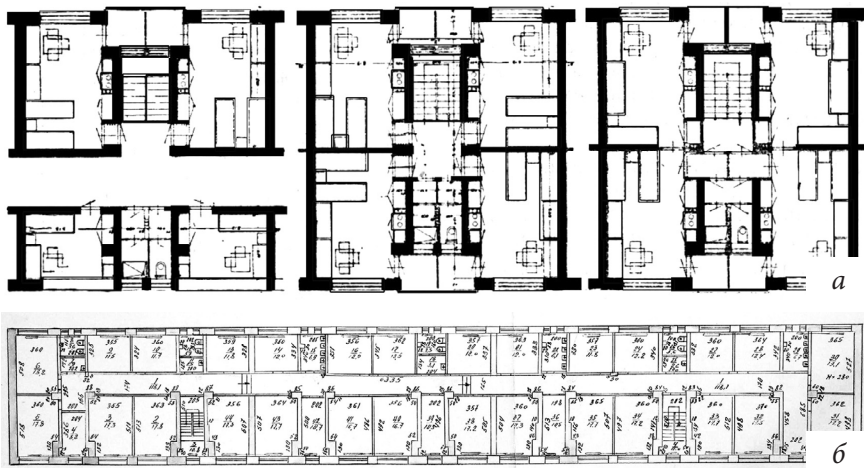
Наша первая ошибка заключалась в том, что мы считали, что коммунизм здесь осуществлен в полной мере, а мы сейчас видим, что коммунизм растет постепенно, а не вырастает сразу. Когда мы начинали строить, мы предполагали устроить общую столовую, детский дом и т. п. Я полагал, что если мы построим так, то через несколько лет эти дома можно будет использовать для домов-коммун... Но нам сказали, что сейчас осуществить такое строительство невозможно, потому что нет денег. Но тогда получалось одно неудобство. Я полагал, что в каждой квартире не надо устраивать кухню, а достаточно только кухонных шкафов. Кроме того, тут были устроены электрические печи, на которых можно варить чай и т. д. Теперь дом построен, и дано новое задание – устроить там индивидуальные квартиры. Между тем, столовой нет, нет и кухонь в квартирах. Люди, которые увидят такой тип постройки, скажут: какой же дурак Май – строил квартиры без кухни! А это получается потому, что сначала начали строить дома одного типа, потом все переменили. Половину построили, а половину нет, получилась ерунда [Архив МБУК МЗ «Кузнецкая крепость». Л. 116].

¹⁴ Один из документов свидетельствует о строительстве в квартале домов типа ИНКО-А дома на 84 отдельные комнаты – иначе говоря, «замеряется» именно количество комнат, а не квартир [ГАРФ. Ф. 7544. Л. 9].

¹⁵ В послевоенные годы секции типа ИНКО-А были перепланированы в секции с трехкомнатными квартирами (80 м²), секции с однокомнатными квартирами (40 м²) и секции с 1–2-комнатными квартирами (35 и 53–67 м² соответственно) с полноценным оборудованием – кухней и санузлом.

Европейские архитекторы понимали «физиономию жилья» однозначно – «или коллективная ячейка, или индивидуальная, потому что всякое другое решение сводится лишь к неудачному суррогату» [Мостак-ов, с. 30], но именно этот суррогат, получивший отражение даже в названии («индивидуально-коллективный»), они в результате и получили.

Отголоски трансформаций по ходу проектирования и строительства мы можем видеть в застройке кварталов как в Магнитогорске, так и в Новокузнецке. Некоторые дома обладают странной гибридной планировкой: вероятно, были заложены дома ИНКО с секционной планировкой (или общежития с коридорной планировкой на первом этаже и ячейками на четыре комнаты с санузлом и кухонной нишей на следующих этажах), но строились они уже с коридорной планировкой (рис. 4). В магнитогорском квартале в этих домах из семи лестничных клеток рабочими являются только две, в остальных на месте лестничных площадок размещены комнаты, и на всех эта-

4. Общежитие:

a – проект. 1931. Бригада Э. Мая. 1-й, 2-й и 3-й этаж;
b – реализованная постройка коридорного типа. Магнитогорск

Dormitory:

a – project. 1931. E. May's brigade. 1, 2 and 3 floors;
b – constructed structure, corridor type. Magnitogorsk

жах использована коридорная система. В Новокузнецке «работают» все пять лестничных клеток, но их количество бессмысленно ввиду коридорной, а не секционной планировки¹⁶.

Заметим неистребимое желание европейских планировщиков сохранить «человеческий» квартирный тип даже при планировании общежитий – вместо традиционного коридорного здания с общими уборными и кухнями в конце коридора они предлагают в проектах замкнутые

¹⁶ В Магнитогорске – ул. Маяковского, д. 40 и 50 (не сохранились), в Новокузнецке – ул. Кирова, д. 11.

ячейки с ограниченным числом комнат и обслуживающими помещениями. Также сохраняется и приоритетная важность доступа к солнцу, воздуху и зелени из каждой (!) комнаты в общежитии; из каждой квартиры предполагался выход на балкон, а в нереализованных проектах домов-коммун, где жильячейки располагались по обеим сторонам продольного коридора, между ними были предусмотрены поперечные «просветы-выгрызы» с выходом на балкон, в том числе для естественного освещения и проветривания коридора [Мостаков, с. 28].

Несмотря на реализацию ограниченного числа типов жилых домов и в Магнитогорске, и в Новокузнецке, различны их вариации, в том числе получившие отражение во внешнем облике: в Новокузнецке в отдельных группах жилых домов на разных пространственных участках (ул. Хитарова, пр. Энтузиастов, ул. Кирова, ул. Воровского), в Магнитогорске – в многообразных версиях решения секций и, соответственно, фасадов. Лаконичный фасадный облик оживлялся ступенчатым, в соответствии с рельефом, размещением секций, сплошным остеклением лестничных клеток, цветной штукатуркой, легкими балконами, а также обилием зелени, в которую погружались жилые корпуса. В кварталах и Магнитогорска, и Кузнецка были построены исключительно трехэтажные дома¹⁷, что определялось двумя факторами – санитарно-гигиеническим и экономическим (рис. 5). При трех этажах не только была возможность использовать облегченные конструкции и местные материалы. Невысокая этажность сохра-

5. Фрагмент застройки соцгорода Сталинска (ныне Новокузнецка)

5. A part of socgorod in Stalinsk (Novokuznetsk)

няла связь человека и «земли», что было непреложным в проектном мышлении прибывших в СССР европейских архитекторов – наследников концепции города-сада. Жилые дома размещались меридиональными строчками перпендикулярно дорогам и пересекались поперечными зелеными полосами. Разрывы между фасадами трехэтажных домов устанавливались в три высоты дома, между торцами – минимум 25 м. Пространство между «строчками» было отдано озелененным дворам.

¹⁷ В середине 1930-х гг. часть жилых домов «соцгорода» в Сталинске (Новокузнецке) для увеличения плотности населения была надстроена до четырех этажей и, кроме того, приобрела неоклассический декор.

Согласно генплану Нового Орска (1934–1935 гг., М. Стам, Х. Шмидт) в 1935–1937 гг. был фрагментарно реализован «квартал № 8» (ограничен улицами: пр. Мира, пр. Ленина, пер. Музыкальный, ул. Станиславского). Были возведены трехэтажные трехсекционные жилые дома на 18 двухкомнатных квартир¹⁸; трехэтажные шестисекционные дома на 36 квартир (30 трехкомнатных и шесть двухкомнатных в торцевых секциях)¹⁹; пятисекционный пятиэтажный дом с квартирами повышенной комфортности²⁰. Так же, как в Магнитогорске и Новокузнецке, в трехэтажной застройке были использованы исключительно двухквартирные секции.

Примечательной их чертой является использование лоджий: в коротких «строчках» – на обоих фасадах, в длинных – на двором фасаде, в сочетании с балконом на лицевом. В облике трехэтажных домов с лоджиями ясно прослеживается прообраз – спроектированные М. Стамом жилые дома для поселка Хеллерхоф во Франкфурте-на-Майне. Необычно выглядит и остекление со сходящимися под острым углом стеклами лестничных клеток в жилых домах в Музыкальном переулке, имеющее явный зарубежный аналог (такой же прием использован в жилых домах поселка Борнхаймер-Ханг во Франкфурте-на-Майне).

Вследствие особых условий рельефа и расположения главных магистралей архитекторы отказались от исключительного использования меридиональной строчной застройки квартала. Длинные трехэтажные блоки были запроектированы с севера на юг, тогда как короткие – с востока на запад. Эти длинные и короткие «строчки» должны были быть соединены одноэтажными зданиями, вероятно, с помещениями общественного обслуживания (магазинами и т. п.). Такой расстановкой внутри квартала, кроме всего прочего, образовывались площадки у домов и создавались барьеры господствующим ветрам. С учетом западных ветров входы в дома расположены с восточной, северной и южной сторон. Контраст высот и масштабов создавал в проекте и архитектурную игру, разбивая монотонность²¹.

* * *

Сегодня невозможно получить полноценное представление о творческом замысле европейских архитекторов в выстроенных кварталах Магнитогорска, Орска и Новокузнецка. Застройка получила лишь частичное воплощение, как следствие – незаконченное решение пространства и отсутствие гармонической взаимосвязи архитектуры и ландшафта. Скучный выбор материалов и конструкций предопределил аскетизм художественного решения. Планировочные нормативы

¹⁸ Пр. Мира, д. 18, 20, 22, 24.

¹⁹ Пер. Музыкальный, д. 4, 6, 10, 12, 16.

²⁰ Пр. Мира, д. 26 (архитектор Т. Вайнер).

²¹ Прием сочетания продольных и поперечных блоков и контраст высот застройки, так же как и соединение жилых корпусов с общественными учреждениями, были опробованы М. Стамом в поселке Хеллерхоф во Франкфурте-на-Майне.

с их стремлением к размещению максимума пространства на минимуме площади породили тяжеловесные пропорции. И наконец, даже то, что было воплощено, своим сегодняшним состоянием уничтожает и ту эстетическую составляющую, что была заложена в изначальный проект. Многие дома утратили первоначальный облик из-за многочисленных самостоятельных достроек и перестроек, перепланировки квартир. Удручающий вид ветшающих материалов и неухоженных дворов являет контраст современному состоянию германских поселков, выстроенных в годы Веймарской Республики (см. цв. ил.).

Уже в 1935 г. Х. Шмидт, один из последних оставшихся в СССР архитекторов группы Э. Мая, констатировал «резкое отличие» западной практики «минимального жилища» от «советской практики последних лет» [Шмидт, с. 16]. Речь шла о сложившемся в СССР приоритете многоэтажного (4–5 этажей) и многокомнатного (3–4 комнаты) строительства. Определяющую роль в советской жилищной практике играл «коэффициент экономичности», который повышался в многокомнатном жилище в сравнении с 1–2-комнатными квартирами – норма жилой площади здесь была выше в соотношении с площадью вспомогательных помещений (кухни, ванной, уборной). Этот же подход определил в СССР и приоритет многоквартирных (4–6) секций, поскольку двухквартирный тип был «неэкономичен» с точки зрения использования лестницы. Также и «первый» свет в санузеле, с точки зрения советских проектировщиков, «значительно осложняет планировку и вызывает потерю в экономичности плана примерно 5–8 %...» [Марковников]. Некоторые типовые ячейки Моссовета, Центросоюза, ВСНХ для многоэтажного строительства еще в конце 1920-х гг. предусматривали «первый» свет в уборных [Проекты рабочих жилищ]. Но уже в проектах Горстройпроекта (основного планировщика новых поселений и городов при промпредприятиях) середины – второй половины 1930-х гг. светлый санузел сохранился лишь в единичных типах, в подавляющих случаях использовалось его торцевое расположение, при этом санузел был раздельный, рассчитанный именно на возможность коммунального заселения [Блохин].

Таким образом, понятие «экономичное жилище» в СССР и в Веймарской Республике обладало принципиально разными смыслами. Причиной были различия в ориентирах – на социальный или государственный заказ, на «рабочего человека» или «рабсилу», на полноценную достойную жизнь или выживание. Последним штрихом стало внедрение в советском градостроительстве середины 1930-х гг. ансамблевого подхода, в рамках которого жилой квартал рассматривался как архитектурно-пространственный комплекс в общей увязке с архитектурой города. Этот подход не только определил доминанту периметральной застройки, но и переместил жилой дом из пространства повседневности в пространство идеологическое, разделив «низкое» «массовое жилище» и «высокую» «жилую архитектуру». Жилые дома, спроектированные европейскими архитекторами, остались

в пространстве «сталинской архитектуры» вопиющим и осужденным исключением, но идея типового массового «минимального» жилья вернулась в СССР вместе с хрущёвскими реформами.

Список литературы

- Архив МБУК МЗ «Кузнецкая крепость» (Новокузнецк). Ф. 2. Оп. 2. Д. 5.
 Блохин П. Типовые проекты Горстройпроекта Наркомтяжпрома // Архитектура СССР. 1937. № 11. С. 15–24.
 Брагин Е. Жилищное строительство в СССР // Большая медицинская энциклопедия / под ред. Н. А. Семашко М. : Совет. энциклопедия, 1929. Т. 10. С. 324–325.
 Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства : в 2 кн. М. : Стройиздат, 1979. Кн. 2. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000016/index.shtml> (дата обращения: 17.03.2016)
 Гречуха В. Ф. Внимание архитектуре новых городов // Строительство Москвы. 1932. № 8/9. С. 34–36.
 ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667; Ф. 7544. Оп. 1. Д. 502; Ф. 4544. Оп. 1. Д. 425.
 Жилищное строительство в 1935 г. М. : Госплан, 1936. 51 с.
 Казаринова В. И., Павличенков В. И. Магнитогорск. М. : Стройиздат, 1961. 248 с.
 Коньшова Е. В. «За рубежом»: освещение западного опыта в советской профессиональной прессе 1920–1930-х гг. // Academia: архитектура и строительство. 2015. № 4. С. 9–15.
 Марковников Н. В. Экономический анализ типовых квартирных ячеек городского многоэтажного дома // Строительная промышленность. 1928. № 4. С. 293–295.
 Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми : 1917–1937. М. : РОССПЭН, 2008. 304 с.
 Меерович М. Г. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920–1930-х гг. // Архитектон : Изв. вузов. 2010. № 31. URL: http://archvuz.ru/2010_3/6 (дата обращения: 17.03.2016).
 Мостаков А. На пути к дешевому и культурному жилью // Строительство Москвы. 1931. № 4. С. 27–30.
 Проекты рабочих жилищ. М. : Цekomбанк, 1929. 270 с.
 Сысин А. Жилище // Большая медицинская энциклопедия : в 35 т. / под ред. Н. А. Семашко. М., 1929. Т. 10. С. 324–325.
 Чернеховский Е. Жилищное строительство в Германии // Коммунальное дело. 1927. № 12. С. 145–151.
 Шмидт Х. Образцы жилых квартир на Западе // Архитектура СССР. 1936. № 9. С. 15–21.
 Abt J., Ruhe A. Das Neue Frankfurt : Der soziale Wohnungsbau im Frankfurt am Main und sein Architekt Ernst May. Weimar und Rostock : [S. n.], 2008. 176 S.
 Frankfurter Typengrundrisse // Das Neue Frankfurt. 1930. H. 2/3. S. 52–55.
 Ernst May und das Neue Frankfurt 1925–1930 / Hg. H. Klotz. Berlin : Ernst und Sohn, 1986. 160 S.
 Krämer St. Deutsche Unternehmer und ihre Arbeiterkolonien im 19. und frühen 20. Jahrhundert // Schriftenreihe der Winckelmann Akademie für Kunstgeschichte München. Textbeitrag Nr. 4. Nov. 2013. URL: <http://www.kunstgeschichte-ejournal.net/archiv/2010/2647/> (mode of access: 17.03.2016).
 May E. Der Bau neuer Städte in der UdSSR // Das Neue Frankfurt. 1931. H. 7. S. 117–135.
 Mengin C. 1929: welcher standardgrundriss? und für welche soziale Klasse? // Neues Wohnen 1929/2009. Frankfurt und der 2. Congres Intern. d'Architecture Moderne. Berlin: [s. n.], 2011. P. 68–79.
 Mythos USA: «Amerikanisierung» in Deutschland seit 1900 / F. Becker, E. Reinhardt-Becker. Frankfurt a. M. / N. Y. : Campus, 2006. 256 S.
 Pistorius E. Die Generalplanentwürfe der Gruppe Ernst May für Magnitogorsk und die Pläne für das erste und das zweite Quartal (1930–1933) // Проблемы российской истории. Вып. 13. Магнитогорск : Магнитогорск. дом печати, 2015. С. 248–266.
 Schulz G. Perspektiven europäischer Wohnungspolitik 1918 bis 1960 // Wohnungspolitik im Sozialstaat, Deutsche und europäische Lösungen 1918–1960. Düsseldorf : Droste, 1993. P. 11–45.

Schulz G. Wohnungspolitik in Deutschland und England 1900–1939, Generelle Linien und ausgewählte Beispiele // Zimmermann C. (Hrsg.) Europäische Wohnungspolitik in vergleichender Perspektive 1900–1939. Stuttgart : Fraunhofer IRB Verlag, 1997. P. 153–165.

References

- Abt, J. & Ruhe, A. (2008). *Das Neue Frankfurt : Der soziale Wohnungsbau im Frankfurt am Main und sein Architekt Ernst May*. 176 S. Weimar und Rostock, Edition M.
- Arkhiv MBUK MZ “Kuznetskaya krepost” (Novokuznetsk) [Archive of the MBCO YC ‘Kuznetsk Fortress’]. Stock 2. List 2. Dossier 5.
- Becker, F. & Reinhardt-Becker, E. (Hrsg.). (2006). *Mythos USA: „Amerikanisierung“ in Deutschland seit 1900*. 256 p. Frankfurt a. M., New York, Campus.
- Blokhin, P. (1937). *Tipovye proekty Gorstroyproekta Narkomtyazhproma* [Typical Projects of the State City Development Project of the People’s Commissariat of Heavy Industry]. In *Arkhitectura SSSR*, 11, pp. 15–24.
- Bragin, E. (1929). *Zhilishchnoe stroitel'stvo v SSSR* [Residential Development in the USSR]. In Semashko, N. A. (Ed.). *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya*. Vol. 10, pp. 324–325. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya.
- Bunin, A. V. & Savarenskaya T. F. (1979). *Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva : v 2 kn.* [A History of the Art of City Development: 2 Vols.]. Book 2. 496 p. Moscow, Stroyizdat. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000016/index.shtml> (mode of access: 17.03.2016)
- Chernekhovsky, E. (1927). *Zhilishchnoe stroitel'stvo v Germanii* [Residential Development in Germany]. In *Kommunal'noe delo*, 12, pp. 145–151.
- Frankfurter Typengrundrisse (1930). In *Das Neue Frankfurt*, H. 2/3, S. 52–55.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Stock A-314. List 1. Dossier 76674; Stock 7544. List 1. Dossier 502; Stock 4544. List 1. Dossier 425.
- Grechukho, V. F. (1932). *Vnimanie arkhitekture novykh gorodov* [A Focus on the Architecture of New Cities]. In *Stroitel'stvo Moskvy*, 8/9, pp. 34–36.
- Kazarinova, V. I. & Pavlichenkov, V. I. (1961). 248 p. *Magnitogorsk* [Magnitogorsk]. Moscow, Stroyizdat.
- Klotz, H. (Hrsg.). (1986). *Ernst May und das Neue Frankfurt 1925–1930*. 160 S. Berlin, Ernst und Sohn.
- Konyshcheva, E. V. (2015). “*Za rubezhom*”: *osveshchenie zapadnogo opyta v sovetskoy professional'noy presse 1920-kh – 1930-kh gg.* [“Abroad”: A Report of Western Experience in the Soviet Professional Press of the 1920s – 1930s]. In *Academia: arkhitectura i stroitel'stvo*, № 4, (pp. 9–16).
- Krämer, St. (2013). *Deutsche Unternehmer und ihre Arbeiterkolonien im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. In *Schriftenreihe der Winckelmann Akademie für Kunstgeschichte München*. Textbeitrag Nr. 4, November. URL: <http://www.kunstgeschichte-ejournal.net/archiv/2010/2647/> (mode of access: 17.03.2016).
- Markovnikov, N. V. (1928). *Ekonomichesky analiz tipovykh kvartirnykh yacheek gorodskogo mnogoetazhnogo doma* [An Economic Analysis of Typical Apartments of a City Apartment Block]. In *Stroitel'naya promyshlennost'*, 4, pp. 293–295.
- May, E. (1931). *Der Bau neuer Städte in der UdSSR*. In *Das Neue Frankfurt*, H. 7, S. 117–135.
- Meerovich, M. G. (2008). *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi : 1917–1937* [Punishment by Accommodation: Residential Policy in the USSR as a Means of Governing People: 1917 – 1937]. 304 p. Moscow, ROSSPEN.
- Meerovich, M. G. (2010). *Tipologiya massovogo zhilishcha sotsgorodov-novostroek 1920–1930-kh gg.* [A Typology of Mass Accommodation Places of Social Newly Built Cities of the 1920s – 1930s]. In *Arkhitekton : Izvestiya vuzov*, 31. URL: http://archvuz.ru/2010_3/6 (mode of access 17.03.2016).
- Mengin, C. (2011). 1929: welcher standardgrundriss? und für welche soziale Klasse? In *Neues Wohnen 1929/2009. Frankfurt und der 2. Congres International d'Architecture Moderne* (S. 68–79). Berlin, Jovis.
- Mostakov, A. (1931). *Na puti k deshevomu i kul'turnomu zhil'yu* [On the Way to Cheap and Cultural Accommodation]. In *Stroitel'stvo Moskvy*, 4, pp. 27–30.

Pistorius, E. (2015). Die Generalplanentwürfe der Gruppe Ernst May für Magnitogorsk und die Pläne für das erste und das zweite Quartal (1930–1933). In *Problemy Rossiyskoy istorii*, Iss. 13, pp. 248–266. Magnitogorsk, Magnitogorsky dom pechati.

Proekty rabochikh zhilishch [Projects of Workers' Dwellings]. (1929). 270 p. Moscow, Tsekombank.

Schulz, G. (1993). Perspektiven europäischer Wohnungspolitik 1918 bis 1960. In *Wohnungspolitik im Sozialstaat, Deutsche und europäische Lösungen 1918–1960* (S. 11–45). Düsseldorf, Droste.

Schulz, G. (1997). Wohnungspolitik in Deutschland und England 1900–1939, Generelle Linien und ausgewählte Beispiele. In Zimmermann, C. (Hrsg.) *Europäische Wohnungspolitik in vergleichender Perspektive 1900–1939* (S. 153–165). Stuttgart, Fraunhofer IRB Verlag.

Shmidt, Kh. (1936). *Obraztsy zhilykh kvartir na Zapade* [Samples of Apartments in the West]. In *Arkhitektura SSSR*, 9, pp. 15–21.

Sysin, A. (1929). *Zhilishche* [Accommodation]. In Semashko, N. A. (Ed.). *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya : v 35 t.* Vol. 10, pp. 324–325. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya.

Zhilishchnoe stroitel'stvo v 1935 g. [Residential Development]. (1936). 51 p. Moscow, Gosplan.

The article was submitted on 15.05.2016

Иллюстрации к статье:

Е. Конышева. «Солнце, воздух и дом для всех»? Европейский опыт массового жилищного строительства и его советские вариации в годы первых пятилеток

Illustrations for article:

E. Konysheva. 'Sun, Air, and Homes for All'? Soviet Variations on European Experiences of Mass Housing Construction during the First Five-Year Plans

Поселок Брухфельдштрассе. Франкфурт-на-Майне. Э. Май и др. 1926–1927.
Фото Е. Конышевой. 2014

Bruchfeldstrasse housing estate. Frankfurt-am-Main. E. May et al. 1926–1927.
Photo by E. Konysheva. 2014

Поселок Праунхайм. Франкфурт-на-Майне. Э. Май и др. 1926–1929.
Фото Е. Конышевой. 2014

Praunheim estate. Frankfurt-am-Main. E. May et al. 1926–1929.
Photo by E. Konysheva. 2014

Жилой дом. Магнитогорск. Бригада Э. Мая. 1931–1933. Фото Е. Конышевой. 2015

Apartment house. Magnitogorsk. May's brigade. 1931–1933. Photo by E. Konysheva. 2015

Жилой дом. Орск. М. Стам. 1934–1935. Фото Е. Конышевой. 2015

Apartment house. Orsk. M. Stam. 1934–1935. Photo by E. Konysheva. 2015